

— И что же тогда искусство?

— Для того чтобы говорить об искусстве, необходимо в первую очередь вывести для себя следующий постулат, аксиому. Искусство — есть ни что иное, как констатация некоторых фактов и действий, имеющих эстетическую ценность за определенный период времени. То есть такого понятия как «современное искусство» просто не существует. Ибо любой творческий акт, становиться достоянием некоего культурного наследия, лишь по прошествии, после. Книга становится ценной, тогда когда её прочитают читатели. Картина — после того, как мастер закончит её. И в этом искусство близко к истории, её составляющие — уже пройденные, прожитые мгновения жизни, осмысленные творцом.

Только приняв это можно говорить о художественном поиске и о муках творчества. Ибо это и есть нынешняя ипостась настоящего творца. Все же, что им рождено на свет утрачивает свою связь с автором и отдается на съедения монстру по имени «зритель». И задача настоящего мастера, не останавливаться на месте, а идти дальше. Не тратить время на созерцания своего прошлого, артефактов своих мыслей и идей. Это будут делать другие. Его же путь, его истинная задача, другая. Ему нужно идти вперед — дальше и дальше в будущее, в поисках нового.

Саша Зуев проснулся. В голове еще звучали отголоски сна, в котором он был маститым, признанным и почитаемым. Во сне он красиво говорил про культуру, искусство и творчество. Обычно некоторое время по утрам он помнил эти ведения, но уже тогда, когда вылезал из постели они полностью улетучивались. Это было грустно. Саша чувствовал, что во сне к нему часто приходили потрясающие или даже просто гениальные идеи. Жаль, что к тому времени, когда он собирался записать, как-то зафиксировать их, они растворялись и исчезали.

Саша нащупал под одеялом, густо усеянным желтыми пятнами, стоящий колом член. Каждое утро Саша Зуев совершал одно и то же, во многом ритуальное действие — как можно быстрее избавлялся от скопившимся в нем семени. И в этот раз, после быстрых и резких движений, он кончил в одеяло, тем самым, обеспечив еще одно пятно к вечеру. Затем, отдышавшись, поднялся и пошел на кухню.

Саша Зуев считал себя свободным художником. Даже в какой-то мере постмодернистом. Многие знавшие его, были весьма скептического мнения о сашиных творениях и его таланте. Часто его шарахало из в стороны в сторону, от одного стиля к другому. Порой даже перебрасывая в различные виды искусств вообще. То он писал жутко кошмарные картины, завязав себе глаза, то пытался сочинить поэму, где слова рифмовались бы через определенные, увеличивающиеся в геометрической прогрессии интервалы. Но все эти, без сомнения, весьма концептуальные действия, не приносили ни славы, не известности, ни даже денег.

Последнюю неделю Саша Зуев трудился над коротким рассказом, где бы каждое слово начиналось со следующей буквы алфавита. На кухонном столе лежал последний вариант этого концептуального произведения:

история

А Было В Годы Далекие. Ехала Ёшкина

Жена За Иголками, Йод Купить, — Лекарства Может

На Остатки Получки Ревнивого Супруга Тоже Удумала.
Фыркнул Холеный Цербернар Через Шоссе. Щелкнуло — «Ъ
Ы Ъ!» — Эхо. Юноша Явился.

но это уже совсем другая история

Сейчас с утра, данное творение казалось уже и не таким совершенным, как вчера. Ну что же, Москва тоже не сразу строилось — мелькнуло в голове у Саши — Нужно работать, работать и работать. Успех приходит к тем, кто трудиться. Но искать слова, из которых можно было бы составить осмысленные предложения, совершенно не хотелось. Наскоро перекусив, Саша Зуев отправился к Калугину.

Михаил Калугин был более или менее известной личностью их города. Говорят, что раньше, в застойные времена он числился, чуть ли не главным диссидентом города — на своей старой пишущей машинке он перепечатывал Солженица. Правда, злые языки поговаривали, что сей труд Калугин так и не окончил, не справившись с объемами произведений признанного борца с советским строем.

Но все это было в прошлом. Сейчас же Калугин, оставаясь верен долгу настоящего художника, писал картины, основным мотивом которых являлись отрубленные собачьи головы. Как он сам говорил, одна из его работ висела в какой-то из московских галерей. Кроме того, Калугин с еще парой приятелей занимался оформлением витрин в магазинах и делал вывески. И имел с этого, кстати, недурной доход, за что и считался в среде художников «продажным». Правда, об этом если и говорили, то все больше за глаза — вслух стеснялись, ибо Калугин слыл радушным хозяином, и у него всегда можно было одолжить.

— Заходи, Сашенька, заходи — приветствовал Зуева Калугин. — Я знаешь, тут один скучаю. Танюшка уехала. Там у них дни самодеятельности опять. Ну, ты же знаешь, что я тебе говорю. Вот один тут второй день уже. Хожу не знаю чем себя занять. Пробовал писать. Но идет какой-то жуткий муар. Такая скука. Ах, да, что я все про себя. Как ты?

— Да так все. — Саша устроился на кресле, напротив Калугина, который развалился на диване в своем неизменном махровом халате, выпачканным краской, и со скучающим видом щелкал пультом.

— Какая пошлость везде. Посредственность. Ты видишь? — Калугин переключился на другой канал. — Знаешь, как бывает иногда тошно от всего этого. Где, где, я спрашиваю настоящие искусство? Нет его. Один суррогат. Патока. Да и Танюшка уехала. Скучаю без неё. Очень. — Тут Михаил почти умоляюще взглянул на Сашу.

Саша встал и отправился в ванну. В стакане на полке перед зеркалом, что висело над раковиной, было три зубных щетки. Он взял свою, желтую, с обтрепанной щетиной и старательно вычистил зубы. Когда Саша вернулся в комнату, Калугин уже лежал на диване голый, продолжая так же бесцельно переключать каналы. Саша подошел, сел перед диваном на пол и обхватил ртом маленький сморщенный член Калугина. Через пару минут, член уже большой, твердый и соленый изрыгнул, ударившись о небо Саши, терпкую жидкость.

— Ты чудесен. Как же ты хорош, мой мальчик, — шептал Калугин, блаженно закатив глаза. Когда Саша вновь чистил зубы в ванной и полоскал рот, то думал о том, что их отношения с Калугиным в последнее время почти не доставляли никакого удовольствия. Конечно ощущать во рту пульсирующую плоть было приятно. Обычно с утра, когда Саша мастурбировал, он вызывал в памяти именно эти ощущения. Но с другой стороны они все более отдалялись друг от друга. Их слияния стали превращаться в чисто механические,

автоматические действия. Вначале, когда они только ступили на эту дорогу, влекомые любопытством и тайными желаниями, во всем этом был привкус новизны и запретности. Тем более, что гомосексуализм помогал лучше понять, очертить свои внутренние рамки запретного. Таня, жена Калугина, всячески помогала и поощряла эти эксперименты.

— Вы должны понять, прочувствовать это. Это бесценный опыт. — Повторяла она, глядя на то, как её муж вставлял в анальное отверстие Саши Зуева напряженный, фиолетовый член. — Это возможность побывать как на месте мужчины, так и женщины.

Конечно, отношения Саши и Калугина сразу же стали достоянием гласности в среде художников их города. Это было воспринято благосклонно, ибо известно, что гомосексуализм — неременный спутник поистине талантливых людей. Правда через некоторое время данная тема потеряла свою привлекательность, так как подобные отношения стали вполне обычным делом. Даже то, что их знакомый, художник Залепов держал дома свинью и время от времени использовал её в качестве сексуального партнера никого уже не шокировало, за исключением может быть соседей, которые просыпались ночью от визга хрюшки.

Когда Саша вышел из ванны, Калугин одевался.

— Тут такое дело, знаешь. Срочно вызвали. Позвонили. Отвлекли, как всегда. Заказчик вроде как наклеывается. Наверное вывеску делать будем. Бежать нужно, бежать. Ты не в обиде, Сашенька? Нет? Ну, тогда... А вот что: побудь у меня. Я совсем скоренько обернусь. Мигом. Ладушки? После того, как Калугин убежал, Саша некоторое время смотрел телевизор. Затем направившись в комнату Михаила, служившую ему одновременно и мастерской. Там в одной из множеств коробок, что громоздились у стены, он нашел, что искал. Вставив кассету в видик, Саша устроился на диване.

На экране возник он же. Абсолютно обнаженный, с возбужденным членом, стоявший среди кустов. Где-то за кадром раздался смешок. Голос Калугина пробасил:

— Не мешать.

Затем более нежно:

— Давай Сашенька, начинай.

Саша Зуев на экране начал читать стихи. Одновременно с этим он обхватил рукой свой стоящий член и начал мастурбировать. Сначала медленно, затем все быстрее:

Жманали губами черные рваны

Входили гуртами в старые манны

На сером анклавом словами играли

И падали птицами горькими снами

Китайской правдой раздели чужие плечи

И падали сверху гурьбой в печи

Сгорали бумагой, кричали: Ахома!

И свастикой сердце вниз в катакомбы

Саша на экране неистово совершал движения рукой, закрыв глаза:

Не веришь? Не надо! Я знаю!

Смотри! Жманали губами и рвали

И пили вина, смеялись как эхи

Пришли чернобурыенедочеловеки

Саша на экране, и Саша на диване кончили почти одновременно. За кадром раздался голос Калугина:

— Молодец Саша! Поздравляю господу! — камера очертила круг, и стало видно, что за спиной оператора было как минимум десять человек, с любопытством наблюдавших прилюдную мастурбацию. — Я думаю перформанс удался, господу. Не так ли?

Камера вновь вернулась к Саше. Он стоял весь красный, тяжело дыша и совершенно неуместно пытаясь прикрыть рукой возбужденный член.

Через часа два, которые Саша потратил на поиск новых слов к своему рассказу, из которых можно было бы составить более или менее логичное повествование, вернулся Калугин. Он был не один.

— Аркадий Львович! Прошу любить и жаловать. Тоже в своем роде художник. Открыл изумительный магазинчик на Полеской. Секонд хенд. Будем делать ему вывеску. Вот решил зайти, посмотреть, чем живет наш современный деятель искусств. Да заодно и договорчик обмоем.

Тот протяну руку:

— Будем знакомы, Аркадий.

— Александр Зуев.

— Мне о вас Сашенька, Михаил рассказывал. Талант это хорошо. Сейчас талантливых людей так мало. Так ничтожно мало. А те, кто есть, задыхаются под бременем этой пошлейшей жизни. Материальные ценности — вот бич нашего времени.

Между тем Калугин накрыл стол: к бутылки водке на кухонном столе добавилось три стакана, блюдец с неровно нарезанной колбасой, хлеб и банка с огурцами.

— А вот это правильно. Как это по-русски, — одобрительно покачал головой Аркадий Львович. — Ни надо никаких излишеств. Ибо водка, для нас русских, лишь средство. Возможность открыть, излить сою душу собеседнику. Максимально быстрый способ добиться душевного единения, неподдельной искренности. Огурцы, хлеб, колбаса — этого вполне достаточно. Все эти гастрономические игрища — есть в корне неверный, я бы даже сказал, губительный подход к русской питейной традиции.

Калугин разлил водку по стаканом. Аркадий Львович приосанился и произнес первый тост: — Господу! О покойниках либо хорошо, либо никак. Но я нарушу эту традицию. Наша культура, наше искусство мертво. Мертво давно. Оно похоронено под осколками китча, выверенных расчетливых коммерческих акций и словоизлияний пустобрехов. Хлеба и зрелищ — требует народ. Да будет так! Хлеба и зрелищ! Но, говоря честно, мне несколько не жаль ту культуру, то искусство, которое было растерзано алчущими толпами самодовольных ничтожеств. Потому, что искусство это было — говно. Да, господу! Говно!

Они выпили. Аркадий Львович захрустел огурцом:

— Вот вы молодой человек думаете: как это, владелец секонд хенда, а тоже к искусству тянется. Не скажите. Я, знаете ли, имею к этому самое непосредственное отношение. Разве вы не видите, как магазин бывшей в употреблении одежды, точно отражает нашу сегодняшнюю ситуацию? Не видите? Так откройте глаза, молодой человек! Мы роемся в старых обносках, и находя что-то там пытаемся выдать за новый взгляд, за некую революционную идею.

Постмодернизм, говорите? Не говорите? Вижу — думаете. Постмодернизм — фуфло. Старые обноски двадцатых годов. Я смело говорю — это говоно! Да, да, господу. Именно так! Говно!

— Согласен, Аркадий Львович. — Калугин кивнул. — Вы правы. Не во всем. Но правы. Вот давеча читал книжечку. Моя Танюшка от неё просто без ума. Акунин. Да, да, тот самый. Что же читаю. Понимаю, что не следует — но почитываю иногда этот так называемый мейнстрим.

Как вы, верно, подметили: секнод хенд. Старые слава, идеи на новый лад. А цель? Цель понятна — подороже продаться. И что же мы видим? Странное варево, от запаха которого хочется зажимать нос. Нет, не скрою, жонглировать нашим великим литературным наследием этот господин Акунины может. Я бы даже сказал, что есть у него некий талант, даром что нерусский. Определенный шарм во всем этом присутствует. Но, боже мой, как можно было разменять свой талант! Употребить его на то, чтобы писать такие книжки, вся ценность которых в умелом подражании и заимствовании.

— Да-да. — Аркадий Львович закивал. — Акунин — говно. Ну что, между первой и второй — перерывчик не большой? Продолжим?

Калугин вновь разлил.

— Я вот что хотел сказать. Хотя я с вами Аркадий Львович насчет постмодернизма не спорю — по большей части это и вправду говно. Но все же есть в этом что-то. Вот, Сашенька — Калугин кивнул на Зуева — в этом деле большой, знаете ли, мастак. Такие перформансы устраивает — закачаешься. Правду, я говорю, Сашенька?

Саша потушил глаза. Свой последний, так называемый перформанс он вспоминать не любил. Считал неудачным, провальным. Задумано все было хорошо. Саша одолжил форму летчика, напялил бейдж с надписью «Мересьев». Далее планировалось развернуть на главной площади города карту мира и испражниться аккуратно на США. Своего рода акция в поддержку США, направленная против терроризма — но, так сказать, путем доказательства от обратного. Правда, от последнего — испражнения на карту — Саша после некоторых раздумий, стоящих ему пару бессонных ночей отказался. Пришлось заменить акт дефекации на закидывание гнилыми яйцами этой самой карты. С яйцами тоже вышла небольшая оплошность, пришлось кидать в США картошку, которая по большей части просто отскакивала от расстеленной на асфальте карты и попадала в испуганных зрителей. Перформанс был прерван через минуту после начала, когда вокруг Саши только-только начала собираться изумленная толпа. Дали ему пятнадцать суток. В психушку, на освидетельствование не повезли, отчего Саша лишь еще больше расстроился. Единственным положительным результатом перформанса было то, что про него написали пару абзацев в местной газете, да сидя в камере он познакомился с Аликом Завалишным, от которого теперь ему время от времени перепадала разная халтура.

— Да нет. Сейчас я отхожу от подобных акций, — смущенно проговорил Саша. — Знаете ли, наш народ сейчас ничем не удивишь, а докапываться до глубинного смысла ему мешает врожденная душевная лень...

— Как верно сказано: душевная лень. Есть, есть, что-то в этом — Аркадий Львович затряс головой. — Без сомнения народ наш, беда наша. Быдло. Я бы даже сказал — говно. Это уж если совсем честно. Говно, господа! Говно наш народ. Ну да ладно. Не будем о грустном. Разливай, Миша!

Калугин вновь наполнил стаканы. Выпили молча, не чокаясь. Последние высказывание Аркадия Львовича, несмотря на свою резкость в какой-то мере было верно.

— Вот что я скажу тебе, мой юный друг — Аркадий Львович наклонился к Саши и с жаром зашептал. — Бросай ты этого козла, своего Калугина. Давай ко мне в магазин. Сделаю вторым человеком. Ну, как ты? За?

Рука Аркадия Львовича очутилась на бедре у Саши. Тот отшатнулся. Калугин, наблюдавший это излияние с ухмылкой, вдруг захохотал:

— Нет, врешь! Не пройдешь! Вот ты Аркадий Львович, умный человек, но простой истины не

видишь. Сам же говорил, искусство мертво, убито этой сугубо материальной цивилизацией. И тут же Сашеньке — чистой души человеку — предлагаешь эти самые ценности. Не выйдет! Я знаю Сашу давно и хорошо, он свою душу не продаст. Уж будьте, уверены, уважаемый Аркадий Львович!

— Да нет, нет! — гость замахал руками. — Как вы все превратно понимаете. Я лишь из самых лучших побуждений. Помочь. Да разве же я не знаю, как сейчас тяжело приходится молодым, начинающим талантом? Сам был когда-то на их месте. И, очень даже хорошо представляю их положение.

Пили еще долго. Калугин и Аркадий Львович спорили жарко и увлеченно. То и дело слышалось: «Сорокин — говно! Ерофеев — говно! Есенин — говно! Солженицын — говно!». Время от времени Аркадий Львович предпринимал попытки положить руку на колени Саши. Тот упорно отметал его ухаживания. Наконец в полвторого ночи они разошлись.

В подъезде Аркадий Львович с жаром поцеловал Сашу в губы и всучил ему свою визитку, потребовав завтра немедленно позвонить. Саша согласился. Выйдя на улицу, он дошел до расположенной во дворе детской площадке. Его мучило. Обхватив руками какое-то футуристическое сооружение из железных труб Саша начал блевать.

После того, как Саша опорожнил желудок, ему стало значительно лучше. Отчего-то его охватила странная, необычная легкость. Он шел нетвердой, танцующей походкой, попеременно раскачиваясь во все четыре стороны света. Саша чувствовал восторг от множества искрящихся мыслей, внезапно овладевших его. Его охватила странная эйфория.

— Господи, — думал Саша — Это ведь так хорошо! Да, да, непременно хорошо! Ведь и я, господи, никчемная тварь, а тоже частичка мироздания, составная твоего великого замысла, господи! Теперь я понимаю это. Понимаю, что каждый из нас играю эту роль в театре абсурда, что именуется жизнью, вместе с тем часть великого, непостижимого, таинственного и прекрасного замысла. Спасибо тебе господи за это. Спасибо!

Внезапно Саша засмеялся и остановился. Яркая, пронзительная и прекрасная идея пронзила его.

— О, да, господи я понял. Вся моя жизнь, есть лишь подготовка, вступление к другому более прекрасному и великолепному миру. Как я не понимал этого раньше! Мы копошимся в этом грязном мирке, не понимая того, что настоящая жизнь наша не здесь, а там. За этой роковой чертой. Да, да — смерть — это самый главный и значительный подарок, господи, который ты сделал нам. Ибо только смерть все ставит на свои места. Непризнанные становятся гениями, страдающие обретают покой. Как это верно! Как божественно точно!

Саша начал озираться вокруг в поисках того, с кем можно было бы поделиться своим открытием. Вокруг никого не было. Он стоял один, покачиваясь на краю тротуара. Внезапно в его глаза ударил свет.

— Вот оно! — улыбнулся Саша. — Мое время настало. Теперь я знаю что делать. Сегодня, непременно сейчас! Я должен нанести последний мазок на холст моей жизни! Да!

Саша Зуев шагнул с тротуара на дорогу и направился прямо на яркий свет. Последнее, что он успел осознать, это был громкий, режущий звук, разрывающий его голову.

Когда грузовик затормозил, визжа тормозами, из кабины выпрыгнул мужчина. Сперва он кинулся назад, но затем остановился и пошел уже не спеша. По асфальту тянулись влажные темные полосы. На остатках головы Саши Зуева отчетливо отпечатались следы протектора. Странно, но одна нога тела продолжала конвульсивно дрожать.

Рядом затормозила машина. Послышались чьи-то возгласы.

Водитель грузовика отвернулся от тела, нога которого все еще дергалась, сплюнул на асфальт и процедил сквозь зубы:

— Вот же мудака.

13—15 августа 2002 года.